

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

«ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ВЛАСТИ... ЧУВСТВУЕТСЯ ДОВОЛЬНО СИЛЬНО»: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕРЕВНЕ В 1920-Е ГГ. НА МАТЕРИАЛЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

И.В. Гончарова

Кафедра истории России
Орловский государственный университет
ул. Комсомольская, 95, Орел, Россия, 302026

В статье раскрываются региональные особенности становления и эволюции налоговой политики власти в Советской России в 1920-е гг., дается периодизация этапов политики, раскрывается их сущность, влияние на крестьянство, выявляются особенности восприятия этой политики на местном уровне. Подчеркивается политическая и социальная направленность налоговой политики, усиливающаяся к концу 1920-х гг. На орловском материале рассматриваются принципы налогообложения как инструмент социального раскола деревни.

Ключевые слова: налоговая политика, крестьянство, деревня, Орловская губерния, власть, социальный раскол, кулак, бедняк, середняк, продналог.

Экономические процессы 1920-х гг. в Советской России находились в прямой зависимости от политической конъюнктуры власти, что определяло развитие аграрного сектора. В эти годы разворачивалась налоговая политика Советского государства, вырисовывался ее социальный профиль и политический подтекст. Она стала важнейшим инструментом воздействия государства на деревню.

К концу 1920-х гг. завершился период новой экономической политики и началось социалистическое преобразование деревни, в результате которого она должна была стать сырьевым источником для индустриализации. При этом налоговая политика в отношении деревни, изменяясь в процессе модернизации, в целом была адекватна динамике политического воздействия власти на крестьянство.

Социально-экономическим фоном налоговой политики являлись следующие факторы провинциальной действительности.

В начале 1920-х гг. Орловская губерния была одним из наиболее отсталых аграрных регионов центральной полосы. Население губернии составляло 1,6 млн человек, 90% из которых проживало в сельской местности.

Революция и гражданская война нанесли огромный урон сельскому хозяйству губернии, составлявшему основу ее экономики. В 1920 г. посевная площадь – главный показатель экстенсивного развития аграрного сектора губернии – сократилась в 2 раза по сравнению с 1920 г., с 1 207 730 дес. до 680 793 дес. В деревне уменьшилось поголовье скота: лошадей – на 20%, коров – на 25%, овец – почти на 70%. Малолощадность стала характерной чертой орловской деревни, более трети крестьянских хозяйств не имели лошадей (1).

До революции орловское крестьянство располагало 1 924 850 дес. земли, после 1917 г. в его пользовании находилось 2 229 205 дес., что составляло 92% от общего земельного фонда губернии (2). Земельная прибавка свыше 300 000 дес. не ликвидировала крестьянского малоземелья: к началу нэпа принятая в губернском масштабе норма на душу населения 1–1,5 дес. имела у 63,77% хозяйств (3). В дальнейшем она была аннулирована участвовавшими семейными разделами. Аграрная революция стала прецедентом постоянных земельных переделов, внесла хаос в сферу земельных отношений. Землеустроительные работы в губернских масштабах были крайне незначительны, к тому же не проникали вглубь отдельного сельского общества. Революционный передел земли сформировал уравнительную систему землепользования, минимизировав возможность накопления капитала в сельском хозяйстве, что стало естественным барьером на пути интенсификации производства.

Динамика развития единоличного производства в губернии в период нэпа выглядела следующим образом.

В 1921–1923 гг. восстановление хозяйства шло по нарастающей, достигнув высшего подъема в 1923–1924 г., затем оно сменяется экономической депрессией 1924–1925 г., за которой следуют весьма скромные показатели 1925–1926 гг. Падение урожайности в 1924 г. в 3–4 раза из-за колебаний климата свидетельствовало о шаткости положения восстанавливающегося аграрного механизма (4).

В начале 1920-х гг. местные органы власти не занимались изучением социальных процессов в деревне. В сельских организациях отсутствовали какие-либо сведения о социальном составе крестьянства. О начальном периоде нэпа мы имеем довольно скудные и разрозненные сведения по составляющим хозяйственной деятельности, почерпнутые из отчета сельскохозяйственного отдела Орловского Губземуправления.

Для определения мощности хозяйств ГЗУ систематизировало продналоговые списки, выделив по величине земельной площади и количеству скота четыре группы хозяйств и вычислив среднюю валовую доходность на ка-

ждую из них. Подавляющее большинство орловских крестьян (77,7%) вошли во вторую группу с валовым доходом 370 руб. на хозяйство и 61,6 руб. на человека. ГЗУ отнесло эти хозяйства к средняцким, но они по своим показателям были очень близки к бедняцким (3,1%), валовая доходность которых составляла 317 руб. на хозяйство и 52,8 руб. на человека. Первые две группы резко отставали от третьей, с 17,7% крестьян (650 руб. на хозяйство и 108,3 руб. на человека) и четвертой, с 1,5% крестьян (1240 руб. на хозяйство и 206,6 руб. на человека) (5).

Таким образом, в первые годы нэпа наблюдался резкий разрыв по уровню дохода бедняцко-средняцкого массива и крепких хозяйств.

Серьезное изучение вопроса о расслоении в губернии началось во второй половине 1920-х гг. с использованием материалов динамического обследования крестьянских хозяйств за 1926 г., разработанного по предложенным ЦСУ качественным типологическим признакам, так называемой схеме А.И. Хрящевой.

Основной группой крестьянских хозяйств, согласно динамической переписи 1926 г., были самостоятельные хозяйства (63,3%). Они занимали ведущие позиции в общем объеме производственной деятельности губернии (74,4%), являлись самым крупным поставщиком сельхозпродукции на рынок и одновременно ведущим ее потребителем.

Следующей по численности категория хозяйств была представлена малопроизводительными, экономически слабыми зависимыми хозяйствами (32%). Почти полное отсутствие технических средств производства, недостаточная оснащенность земель и рабочей силой не позволяла им обеспечить себя необходимым запасом продовольствия, что вынуждало их включаться в рынок в качестве потребителей.

Наибольшей доходностью отличалась незначительная по численному составу группа предпринимательских хозяйств (4,7%). Они играли заметную, но далеко не определяющую роль в сельскохозяйственном производстве (9,6%), промысловой деятельности и рыночном обороте (15%) (6).

В проведении налоговой политики на губернском уровне в 1920-е гг. можно выделить четыре этапа: 1921–1923 гг., 1924–1925 гг., 1926–1927 гг. и 1927–1930 гг.

Введение продналога в 1921 г. стало компромиссом социально-экономического характера, на который вынуждены были пойти правящие круги для восстановления политической стабильности и укрепления монопольного положения компартии.

В начале нэпа вопрос о сборе продналога приобретал чрезвычайное значение для Орловской губернии из-за неурожая в хлебных районах страны и голода в Поволжье. Губерния была отнесена к регионам со средним урожаем, на которые перекладывалась основная тяжесть продналога. В итоге ставка продналога в губернии оказалась выше ставки продрозверстки. Со-

гласно «Вестнику Орловского Губкома» по продразверстке в 1920–1921 г. было изъято 4 985 128 пуд. хлебных злаков, по продналогу намечалось собрать 6 875 723 пуд. Правда, принимая во внимание разницу урожайности 1920 г. и 1921 г., относительный размер продналога был меньше: урожай ржи в 1920 г. составил 10,7 пуд. с дес., картофеля – 290,9 пуд., в 1921 г. – соответственно 48,9 и 611,8 пуд (7).

Несмотря на то что на первом месте по-прежнему оставались потребности государства, продналог был очень важен для крестьянской психологии: кажущаяся определенность позиции власти открывала возможность выстраивания стратегии развития своего хозяйства.

В отличие от продразверстки продналог должен был быть четко фиксирован, а его размеры объявляться заранее. Но на местах эти условия не выполнялись. В «Бюллетене Губкома» от 15 октября 1921 г. партийный чиновник сообщал о частом пересмотре налога Наркомпродом: «Недавно я получил телеграмму, говорящую об увеличенном налоге на картофель. Нам необходимо в срочном порядке начать агитацию, дабы крестьянин не почувствовал нашу неустойчивость и не сорвал продналог, сказав, что это старая песня на новый лад...» (8). Неопределенность ставок продналога перед началом весенних посевных работ беспокоила орловских крестьян довольно долго. В информотделе ЦК РКП(б) в 1924 г. среди крестьянских предложений было, в частности, такое: «Надо сделать так, чтобы крестьянину было известно до выхода в поле, сколько с него причитается налога» (9).

В 1921–1923 гг. налогообложение крестьянства строилось на основе так называемой «ступенчатой шкалы», в соответствии с которой крестьянские хозяйства при составлении таблицы налоговых ставок группировались по количеству пахотно-сенокосной земли, приходившейся на одного едока. При такой системе самое незначительное повышение величины землеобеспеченности определенной группы приводило к резкому скачку налоговой ставки. В результате хозяйство, имевшее незначительное количество земли сверх установленной нормы, платило налог в три раза больше.

Ввиду чрезвычайной значимости сбор первого продналога в Орловской губернии являлся основной ударной партийной кампанией, на которую, по данным губкома, было мобилизовано 1641 чел., 500 из которых являлись налоговыми инспекторами (10).

Для налогоплательщиков-крестьян оставались легализованными репрессии. После составления акта о неплатеже дело передавалось в губревтрибунал. В 1921 г. в губернии было наказано 1647 чел., 2609 чел. арестовано, на 89 чел. наложена пеня. Всего было составлено 6433 актов на 9874 чел.

В Змиевском районе Орловского уезда, в 19 волостях Ливенского и 17 волостях Елецкого уездов для усиления сознательности крестьян прошли «воинские демонстрации». В первой продналоговой кампании участвовало около 300 красноармейцев (11).

Применялись также экономические репрессии: в Ливенском уезде была запрещена продажа продуктов на рынке до сдачи продналога. Вообще первоначально свобода распоряжаться излишками продукции для крестьян была весьма условной и находилась в прямой зависимости от продналога: товарообмен по указанию центра допускался в том случае, если регион выполнил государственное задание на 70% (12).

Высокая ставка продналога, дискредитация авторитета продорганов практикой военного коммунизма, недоверие крестьянства определяли осторожность власти в проведении новой налоговой политики.

В телеграмме Ленина в мае 1921 г. Орловскому губкому указывалось на необходимость «вывести те нравы и обычаи, которые создались... благодаря продразверстке» (13).

Но способы сбора продразверстки не исчезли в обществе, где насилие стало частью социальной практики. По приказу Упродкомиссара Орловского уезда, как сообщалось в сводке Организационно-инструкторского отдела ЦК РКП(б) в октябре 1921 г., арестовывали членов волостных и уездных исполкомов, «арестовывались женщины с грудными детьми до одного года и запирались в комнаты, где им не давали пищи. Издавались неисполнимые приказы, как например, вывести продналог в 24 часа, в то время как 80 подвод, привезшие продналог, были отправлены обратно из райконторы» (14).

Бесправное положение крестьянства и фактически бесконтрольное приоритетное положение продорганов открывали возможность многочисленным злоупотреблениям. Газета «Земледелец и рабочий» 13 апреля 1922 г. опубликовала статью «Двоих расстрелять», в которой шла речь о судебном разбирательстве над 8 ответственными продработниками и представителями сельской власти Медвежинской волости Ливенского уезда, вымогавших взятки хлебом с крестьян за снижение продналога (15). Суровая мера наказания имела пропагандистско-предупредительный характер.

Несмотря на отдельные эксцессы, продналог с момента введения оправдал свое предназначение, в первую очередь увеличилась посевная площадь с 680 793 дес. в 1920 г. до 769 736 дес. в 1921 г. (16).

В 1922 г. власть попыталось форсировать успех за счет повышения ставки продналога вдвое. Государственное обложение для Орловской губернии составило 13 600 000 пуд. (17).

Для «врастания» в деревню и расширения сферы влияния коммунисты увеличивали свое представительство в сельсоветах, не отказываясь при этом от принудительных методов. В отстающий Малоархангельский уезд, чтобы не создавать прецедент для соседей, бюро губкома 25 сентября 1922 г. постановило «выслать в распоряжение Чрезуполномоченного усиленный вооруженный отряд с демонстративной целью для усиленного проведения продналога в Малоархангельском уезде» (18).

Подобные обстоятельства обусловили разочарование крестьян в продналоге и отчуждение по отношению к проводникам налоговой политики – мест-

ным органам власти. Возрастала политическая активность крестьянства, одним из проявлений которой стало требование создания Крестьянского союза – структуры, параллельной системе власти, аналогичной профсоюзу рабочих.

Введение продналога, пусть множественного и довольно тяжелого, было благом для орловских крестьян по сравнению с продразверсткой. Прогнозы на хороший урожай в 1922 г. не оправдались, налог был увеличен в 2 раза, а времени на его сборы отводилось в 2,5 раза меньше и, тем не менее, задание было выполнено в губернии на 90%.

Валовой сбор всех сельскохозяйственных продуктов в губернии в 1922 г. в переводе на рыночные единицы равнялся 87 млн пуд. (19). Председатель губкома Шевяков в июне 1922 г. отмечал, что такого успеха не было за все время революции, а продналог положительно влиял на настроения крестьянства (20).

Но этот успех был временным, по мере восстановления сельского хозяйства взгляды большевиков на деревню как на бездонный источник средств стали противоречить экономическим устремлениям крестьянства. В информационном письме в ЦК РКП(б) секретарь Орловского губкома 25 октября 1924 г. сообщал, что в 1923 г. губерния выполнила 92–93% задания в довольно тяжелой обстановке. Каждый пятый домохозяин находился под арестом или был осужден за неуплату налога (21).

Таким образом, было очевидно, что налоговая политика в деревне не учитывала потребности крестьянского хозяйства.

В 1924–1925 гг. совершенствовалась система единого сельхозналога. Реформа денежного обращения, переход к твердой валюте требовали полной и окончательной денатурализации налоговой системы. С 1924 г. вместо разрядов урожайности вводились разряды доходности одной десятины пашни по каждому уезду, волости, а в отдельных случаях – и селениям. Изменялась методика расчета налоговых ставок. Вместо «ступенчатой шкалы» с 1924 г. была введена «скользящая» прогрессия, предполагавшая последовательное обложение каждой отдельной десятины на едока, а число групп по количеству земли сократилось с 9 до 3 – меньшей, средней и высшей. Объектом обложения сельхозналога были земля и скот. Помимо обременительности налога, сказывающейся на темпах развития сельского хозяйства, обложение по скользящей шкале не приближалось к прогрессивному налогу. Сложность системы, ее условность, выражающаяся в переводах и пересчетах сенокосов и скота на пашню, были непонятны крестьянству.

В 1924 г. орловскую деревню потряс кризис, связанный с падением урожайности в 3–4 раза. Следствием стало резкое снижение уровня жизни крестьянства. Цены на хлеб росли с каждым днем. Население питалось суррогатами с примесью картофеля, свеклы, жмыхов, крапивы и т.п. (22) Скотину за неимением фуража кормили гнилой соломой с раскрытых соломенных крыш и лесным мхом. Истощенный скот по утрам поднимали на веревках, а чтобы он не погиб во время повальных падежей, крестьяне продавали мясо за

бесценок. По данным Орловского губкома, из 1 600 000 населения губернии «остро и немедленно» нуждались в помощи 328 000 чел., а минимальный размер помощи должен был составить не менее 658 000 пуд. хлеба (23). Государство выделило страдающей губернии 500 000 пуд. хлеба и 200 000 руб. на общественные работы, снижались ставки продналога, предоставлялись льготы беднейшим хозяйствам (24).

Но и в уменьшенном виде продналог являлся непосильным для крестьянства. Неплательщиками чаще всего являлось беднейшее, принуждаемое властью, они продавали осенью свои запасы для уплаты налога по 50–60 коп. за пуд, а зимой для пропитания вынуждены были покупать хлеб по 2,5 руб. Как следствие, «крестьянство ропщет на дороговизну, на бескормицу, недостатку яровых семян и незаконные действия местных властей» (25).

Пропагандистский бум и перманентный нажим на деревню оставались неотъемлемыми чертами налоговой работы даже в кризис.

Секретарь Орловского губкома сообщал в информативном письме от 25 октября 1924 г. в центр: «Губком в своей работе, что называется, нажимал на периферию уездов и всякими мерами подталкивал отстающие уезды... целый ряд губернских работников мы заставили сидеть продолжительное время в уезде и форсировать работу по сбору единого сельхозналога» (26).

На XVII губпартконференции в декабре 1925 г. отмечалась растерянность провинциальных партийцев: «Когда посылались товарищи для изучения деревни и вернулись обратно, у них сложилось впечатление, что там сплошной ужас, и они предложили ряд мероприятий, совершенно неприемлемых. Товарищи впали в панику» (27).

Одним из таких «неприемлемых мероприятий» стала жесткая налоговая политика. Завязанные на центральных властных структурах, губернские партийные органы неадекватно оценили обстановку, чем вызвали окончательное отчуждение крестьянства. Отчуждение в их взаимоотношениях отмечал и инструктор ЦК: «Это противопоставление крестьянства власти “Мы и они” чувствуется довольно сильно».

Налоговое бремя, утяжеленное гибелью ярового клина, неопределенная позиция местной власти исчерпали кредит крестьянского доверия. Поэтому, когда в истощенной недородом Орловской губернии в 1925 г. налог был снижен на 50%, крестьяне не поверили: «коммунисты выдают эти листы «для отвода глаз» (28).

С 1926 г. в налоговой системе применялся принцип подоходного обложения, она максимально упрощалась и принимала более рациональный вид. Размер налога теперь определялся в зависимости от величины совокупного дохода крестьянского хозяйства, учитывались доходы от второстепенных отраслей: садоводства, огородничества, птицеводства и т.п., а также внеземледельческих промыслов. Вместо десятины пашни вводилась новая единица обложения — рубль дохода. Но равномерного увеличения налоговых ставок не было.

Губстатбюро была проведена групповая разработка налоговых списков, позволившая определить тяжесть налогового бремени в зависимости от размера доходности и социальной группы хозяйства. Заметный рост прогрессии в ней начинался только в зажиточных группах. Интенсивность обложения у 95,4% хозяйств оказалась почти одинаковой, а прогрессивному обложению подвергалась только незначительная группа 5,5% хозяйств губернии. Распределение налогового бремени между отдельными группами крестьянских хозяйств свелось к тому, что 94,55% хозяйств, дающие 85,8% облагаемого дохода, должны были платить 80,3% начисленного налога. Остальные 5,5% хозяйств, на долю которых приходилось 14,2% облагаемого дохода, обязывались уплатить 19,7% начисленного налога. Налогообложение 1926/1927 г. оказалось недостаточно четким по отношению к хозяйствам разной экономической мощности.

Решительное усиление налогового давления коснулось только небольшой группы обеспеченных хозяйств. Что же касается полного сложения налога в хозяйствах с необлагаемым минимумом дохода, то, по данным Губстатбюро, этим воспользовались только 57,6% зависимых хозяйств, 40,9% середняцких хозяйств и 1,5% зажиточных (29).

Ужесточение налоговой политики в 1926/1927 гг. в связи с индустриализацией знаменовало собой сужение рамок нэпа в деревне.

Увеличение объема налоговых изъятий при этом достигалось, главным образом, за счет переобложения сельхозпроизводителя, по существу лишая его необходимых резервов, а главное – стимулов для наращивания товарности своего хозяйства. Искусственному ограничению хозяйственного роста деревни способствовало также и неоправданное расширение налоговых льгот в отношении маломощных категорий, масштабы которого увеличивались по мере усиления тяжести обложения для экономически крепких слоев.

О размерах сельхозналога в Орловской губернии в период нэпа нет точных сведений, данные различаются даже в одном отчете губкома «Обзор экономического состояния губернии» (30). В одном месте указаны размеры сельхозналога: в 1923/1924 г. – 4275,3 тыс. руб., в 1924/1925 г. – 4655 тыс. руб., в 1925/1926 г. – 1975 тыс. руб. В другом отмечается, что в 1923/1924 г. взыскано 11 306 тыс. пуд., или 7,1 пуд. на душу, в 1924/1925 г. – 4210,7 тыс. руб., или 2,58 руб. на душу, в 1925/1926 г. – 1885,4 тыс. руб. и начислено налога в 1926/1927 г. – 2391,5 тыс. руб., или 1,28 руб. на душу. По сведениям Губфинотдела, на 1926/1927 г. было начислено сельхозналога 2 204 963 руб., а с учетом всех льгот к изъятию подлежало 2 182 491 руб. (31).

В 1927–1930 гг. усиливались социальное и политическое значение налога, он регулировал социальное размежевание деревни. Осенью 1927 г. правительство приняло решение о повышении суммы налога с одновременным освобождением от уплаты налога 35% бедняцких хозяйств. Величина налога зависела от размера годового дохода хозяйства в расчете на одного едока.

Однако точно определить категорию крестьянского хозяйства было сложно, крестьяне были недовольны тем, что зажиточное хозяйство могло платить меньше, чем бедняцкое. «Крестьянин работает все лето, а живет плохо, причем доходность крестьянского хозяйства исчисляется под одну мерку, а ведь на деле получается другое... если породистая корова, то она приносит доход больше, чем не породистая, а налог одинаков». На общеволостном собрании Болховской организации говорилось: «Налог ложиться тяжестью на бедняка» (32).

Финансовое наступление на зажиточное крестьянство преследовало те же цели, что и при хлебозаготовках, и было направлено на основных производителей – середняков, так как незначительное количество кулаков не могло удовлетворить финансовые потребности власти. В.М. Молотов сформулировал это так: «Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк». Против заявления Молотова выступил заместитель наркома финансов СССР М.И. Фрумкин в письме в Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июня 1928 г. утверждая, что объявление кулака вне закона «привело к беззакониям по отношению ко всему крестьянству» (33).

С 1928/1929 г. в налоговой политике произошел перелом – обложение кулацких хозяйств стало проводиться в индивидуальном порядке с учетом всех доходов хозяйства. 21 мая 1929 г. СНК СССР принял постановление о признаках кулацких хозяйств, при этом местным органам власти (республиканским, краевым и областным) разрешалось «видоизменять указанные признаки, применительно к местным условиям» (34).

Законодательство о сельскохозяйственном налоге 1928/1929 и 1929/1930 гг. выделяло четыре категории налогоплательщиков: освобожденные от выплаты налога по необлагаемому минимуму, облагаемые налогом в общем порядке, выплачивающие его с процентной надбавкой, и хозяйства, облагаемые в индивидуальном порядке.

В конце 1920-х гг. власть создала миф о «кулацкой угрозе», он был необходим для изоляции зажиточной части крестьянства и социального раскола деревни в преддверии коллективизации. Критерии «кулака» были субъективны и относительны, в определении большую роль играли социально-политические, а не социально-экономические принципы.

Учитывая неоднородность экономических показателей крестьянских хозяйств в стране, власть предложила искать их на местах самостоятельно.

Представление о том, как проходила налоговая кампания 1929/1930 г. на местном уровне, дают материалы районных обследований, например, Малоархангельского района. Учету объектов обложения должна была предшествовать широкая разъяснительная работа о предоставлении льгот бедняцко-средняцкой части деревни, о проведении четкой классовой линии, о выявлении хозяйств для индивидуального обложения. На проведенных собраниях в Малоархангельском районе принимали участие 30 000 из 79 958 чел., показатель весьма внушительный (35).

Стремление большевиков инициировать участие сельского населения в налоговой работе с целью его разобщения вылилось в создание районных налоговых комиссий и выборах в сельские учетные комиссии из бедняцко-средняцкой части деревни. В рамках установки на изоляцию кулака беднякам и середнякам внушалось, что индивидуальное обложение кулаков обеспечит их развитие.

В связи с обострением социально-политической ситуации в деревне, участвовавшими нападками на общественников кандидатуры из крестьян для содействия власти в налоговых изъятиях утверждались сначала партийной ячейкой, затем группами бедноты и бедняцкими собраниями, после этого выносились на общие собрания. Так властные структуры манипулировали одновременно демократическими принципами и традиционными механизмами самоуправления деревни. При этом стремление во чтобы то ни стало избрать бедняков в Малоархангельском районе было реализовано лишь отчасти. Из 401 члена выбранных комиссий только 139 были освобождены от налога, 35 членов не имели крупного рогатого скота, 114 имели или лошадь, или корову, 227 были из хозяйств, обладавших двумя головами рабочего скота, 29 – трехлошадными, 6 – с наличием четырех и более тягловых сил. Таким образом, только 174 человека были бедняками, 341 – середняками, а 35 – зажиточными. Райсполком добился отвода только 22 зажиточных хозяйств. Этот пример показывает, что при всем административном вмешательстве и идеологической обработке крестьяне отдавали предпочтение отностительно устойчивым хозяйствам.

Инструментируемые властными органами крестьянские комиссии провели в районе достаточно полный учет объектов обложения, контролирующие органы зафиксировали только 3,8% недоучета, в основном мелкого скота. Чаще всего крестьяне скрывали овец (679), в незначительной мере свиней (53), коров (17) и лошадей (11).

Выявление объектов для дообложения и укрытых объектов проходило с привлечением широкого круга бедняков и деревенского актива.

Наиболее уязвимым был вопрос о выявлении кулацких хозяйств по 28 ст. Он прорабатывался на бедняцких собраниях. Активность социальных низов стимулировалась и выявлением категории освобожденных от налога крестьян на тех же собраниях бедноты. В отчетах указывается, что контрольных цифр по освобождению хозяйств от налога не давалось, райисполкомам предлагалось выявить все бедняцкие хозяйства. Однако подлежащее освобождению количество хозяйств района (4863, или 33,1%) вполне вписывалось в партийные установки на освобождение 35% бедняцких хозяйств (36). Очевидна увязка вопроса о выявлении собраниями бедноты кулаков и освобожденных бедняков. Несмотря на то что для бедняков политическая лояльность была залогом списания налога, были случаи укрытия кулаков. Однозначно вклиниться в сложные социальные отношения деревни власти не удавалось.

В партийных документах постоянно звучали указания на взаимоувязывание налоговой и хлебозаготовительной работы. Заведующий областного финансового отдела Малаховский в отчете секретарю областного комитета ВКП(б) Варейкису от 10 октября 1929 г. подчеркивал, что основная причина, которая приводит к неудовлетворительному проведению финансовых кампаний в деревне, заключается «в неумении или нежелании увязывать кампанию хлебозаготовок с финансовой работой в деревне». Он ратовал за то, чтобы «финансовая работа в деревне была бы взята под такой же надзор, заботу и непосредственное руководство, как это делается по отношению к хлебозаготовкам», ради которых «тысячи людей в пределах области мобилизованы...» (37).

Поэтому с началом налоговой кампании 1929/1930 г. с июля 1929 г. разворачивалась кампания за досрочную уплату налога. Стимулирование крестьян было не случайно: хлебозаготовки должны были закончиться к новому году. Районам навязывался сценарий соцсоревнования, но на практике это не работало.

Для сравнения тяжести налогового обложения различных категорий налогоплательщиков используем данные сравнительной сводки учетных объектов по сельхозналогу в кампании 1928/1929 и 1929/1930 гг. по Малоархангельскому району. При сохранении показателя едоков за два года – 79 958 – обнаруживается сокращение земледельческих хозяйств с 14 863 до 14 700 и увеличение с 4036 до 4836 хозяйств с неземледельческими заработками.

Для деревни были характерны социально-органические изменения.

По приведенным данным видно, что интенсивность этих изменений примерно в 2 раза превышала дореволюционные показатели орловской деревни (0,54 против 0,29%) (38), сокращение земледельческих хозяйств на 163 единицы при увеличении на 800 единиц неземледельческих хозяйств только в масштабах одного района свидетельствовало о тенденции раскрестьянивания деревни. Несмотря на уменьшение общего количества хозяйств, утвержденная сумма дохода увеличивалась с 1 460 837 руб. до 1 934 675 руб. Из 14 700 хозяйств 65 не имели объектов обложения, но облагаемая сумма дохода выросла с 378 639 руб. до 398 221 руб.

Сопоставить динамику освобожденных хозяйств и уплативших полный налог за 2 года не представляется возможным из-за разноплановых сведений в сводке. Например, в 1928/1929 г. было сложено налога с маломощных хозяйств на сумму 2970 руб., а за 1929/1930 г. приводится количество освобожденных от налога хозяйств – 2657. Сумма налога для середняцких хозяйств, выплачивающих его в общем порядке, уменьшилась с 142 923 руб. до 118 954 руб. Известно также, что в 1929/1930 г. таких хозяйств было намечено 9425 (по предыдущему году данных нет). Незначительно уменьшилась налоговая сумма для хозяйств с надбавочным налогом – с 6881 руб. до 6407 руб. (87 хозяйств в 1929 г.), но резко увеличился размер обложения хозяйств по

28 ст. – с 29 867 руб. до 50 660 руб. на 260 хозяйств. Налицо классовая сущность принципа налогообложения 1929/1930 г. Общая сумма налога для района составляла 208 112 руб., со скидками для маломощных – 17 6021 руб. Освобождено было 4863 хозяйства, с них было списано 32 091 руб., а 260, отнесенных к кулацким хозяйствам, должны были выплатить 50 660 руб. – в полтора раза больше. При полном изъятии налога с кулаков это бы покрыло не только убытки от освобождения бедноты, но, по всей видимости, и затраты на массовую работу с ней. На примере одного района видно, что заигрывание с беднотой и вовлечение ее в антикулацкие кампании было финансово прибыльным мероприятием.

Резкий разрыв виден и в уровне выплат середняков и кулаков.

В документах все время подчеркивалось, что удар по кулаку задевал и середняка, разграничительную линию между ними провести было сложно. Налоговые различия ставили их «по разную сторону баррикад»: 9425 полноценно выплачивающих налог хозяйств должны были государству 118 954 руб., примерно в 2,3 раза больше «кулаков», которых насчиталось в 36 раз меньше (39).

Таким образом, налоговая политика оказывала благотворное влияние на развитие орловского крестьянского хозяйства, истощенного малоземельем, революцией и гражданской войной, только в начале нэпа. В дальнейшем, укрепив свои позиции на селе, коммунисты вернулись к жесткому налоговому прессу и принудительному взысканию сельскохозяйственного налога, даже во время неурожая 1924 г.

Продналог в Орловской губернии не был четко фиксирован, его размеры объявлялись, как правило, к концу лета. Вместе взятые эти обстоятельства обусловили разочарование крестьян в продналоге и отчуждение по отношению к проводникам налоговой политики – местным органам власти. Социально-экономическая динамика орловского крестьянства в начале и в конце нэпа как результат воздействия налоговой политики демонстрировала рост средних слоев крестьянства.

На примере Орловской губернии видно, как сельскохозяйственное законодательство эволюционировало в 1920-е гг., сохраняя в своей основе классовый принцип.

Первоначальные методы государства в 1920–1921 гг., выкачивающие максимальное количество ресурсов из деревни, сменились более осторожным подходом ввиду маломощности крестьянского хозяйства к 1925–1926 гг. Курс на индустриализацию обусловил преобладание социальных задач в фискальной политике 1927–1929 гг. Мотив поддержки бедняцких слоев деревни за счет зажиточных служил цели мобилизации бедноты на службу власти. Инструментальный характер налоговой политики противоречил принципам социальной справедливости: в относительно бедной орловской деревне искусственно выявлялись «кулаки», на которых перекладывалась большая часть налогового бремени. К концу 1920-х гг. было реализовано социальное

предназначение налоговой системы – сформирована социальная база власти на селе, что стало залогом успеха проводимых преобразований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Очерки истории Орловской организации КПСС. – Тула, 1987. – С. 101–102.
- (2) ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 458. – Л. 303.
- (3) Рыночный оборот в крестьянских хозяйствах Орловской губернии за 1925–1926 гг. – Вып. 4. – Орел, 1927.
- (4) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 33. – Н.Д. 425.
- (5) РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 5. – Д. 2000. – Л. 130.
- (6) Материалы по экономике Орловской деревни 1926–1927. К вопросу о расслоении крестьянского хозяйства. – Орел, 1928. – С. 8, 14, 19–20.
- (7) Вестник Орловского Губкома. – Орел, 1922. – № 7–8. – С. 5.
- (8) Бюллетень Губкома. – Орел, 1921. – № 11. – С. 3.
- (9) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 32. – Н.Д. 19.
- (10) Бюллетень Губкома. – Орел, 1921. – № 11. – С. 3.
- (11) ГАОО (Государственный архив Орловской области). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 496. – Л. 124.
- (12) Там же. – Д. 316. – Л. 146.
- (13) Там же. – Л. 12.
- (14) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 13. – Н.Д. 682.
- (15) «Земледелец и рабочий». – 13 апреля 1922 г. – Л. 3.
- (16) ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 458. – Л. 303.
- (17) Там же. – Д. 496. – Л. 130.
- (18) Там же. – Д. 460 «А». – Л. 47.
- (19) Там же. – Д. 459. – Л. 190.
- (20) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 33. – Н.Д. 43.
- (21) Там же. – Оп. 31. – Н.Д. 42.
- (22) ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1235. – Л. 30.
- (23) Там же. – Л. 41.
- (24) Там же. – Д. 1215. – Л. 34.
- (25) Там же. – Д. 1235. – Л. 29.
- (26) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 31. – Н.Д. 42.
- (27) ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1215. – Л. 49.
- (28) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 16. – Н.Д. 612.
- (29) Материалы по экономике Орловской деревни 1926–1927. К вопросу о расслоении крестьянского хозяйства. – Орел, 1928. – С. 146.
- (30) ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1557. – Л. 10, 21.
- (31) Там же. – Д. 1519. – Л. 53.
- (32) Там же. – Д. 1882. – Л. 52, 69.
- (33) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. – М., 1999. – Т. 1. – С. 291, 293.
- (34) СЗ СССР. 1929. – № 34. – Ст. 301.

- (35) ГАОО. – Ф. П-48. – Оп. 1. – Д. 214. – Л. 111.
(36) Там же. – Л. 113, 114.
(37) Там же. – Д. 206. – Л. 98.
(38) Материалы по экономике Орловской деревни 1926–1927... – С. 44.
(39) ГАОО. – Ф. П-48. – Оп. 1. – Д. 214. – Л. 116.

**REGIONAL ASPECTS OF A TAX POLICY IN VILLAGE IN 1920th
(ON A MATERIAL OF THE OREL PROVINCE)**

I.V. Goncharova

Faculty of history of Russia
SEE HPE «the Orel state university»
Komsomolskaya Str., 95, Orel, Russia, 302026

The article analyses the regional features of becoming and evolution of a tax policy of Soviet Russia's authority in 1920th. It considers the periods of stages of a policy, their essence, and influence on peasantry and reveals the features of perception of this policy at a local level. The political and social orientation of a tax policy amplifying by the end of 1920th is also examined in the article. Principles of the taxation as the tool of social split of village are considered on the Orel material.

Key words: a tax policy, peasantry, village, the Orel province, authority, social split, a fist, the poor man, middle abundance peasant's group, the tax from the production of food goods.